

НИТИ СУДЬБЫ

СОФЬЯ СИМОНОВА
Саратов

*Будильник, тапки, ржавое зеркало,
Как меня жизнь исковеркала...*

Надо записать, записать, босые ступни быстро шагают по полу, а рука «тянется к перу, перо к бумаге», только вот мороза и солнца в пасмурном городе нет, да и рука потянулась к обгрызенной ручке. Та же рука быстро обрывает лист календаря – 14 февраля.

Обычный понедельник, но эти парочки на каждом углу, букеты и... толпы, толпы людей.

И именно сегодня впервые за несколько месяцев придется идти в универ.

С такими мыслями Юра нехотя взял связку ключей и приготовился сделать шаг из квартиры.

5-4-3-2-1, Юра, поехали!

Застыл у порога.

Гагарин с таким отсчетом в неизвестно куда на неизвестно чем улетал, а ты из квартиры выйти не можешь.

А все потому, что, выходя на улицу, Юра сразу же ощущал на себе миллионы липких взглядов, руки начинали трястись, связка ключей в руке тревожно побрякивала от такой турбулентности.

Ну же, вспоминай слова мамы: «Никто о тебе не думает, никто на тебя не смотрит, всем этим людям до тебя нет никакого дела. Ты – главный ге-

рой только своей книги, они не просто массовка, у каждого есть свои жизни и судьбы...»

Судьбы! Точно, судьбы!

Вот она, почва для размышлений, поработаем над образами.

Поднял голову, быть может, слишком резко, перед глазами потемнело, а потом сквозь темноту проявилось красное пятно, похоже на берет, тот, который обычно носят все старушки, потом узкие очки, поблескивающие от солнца или от слез? Лицо морщинистое, точно, старушка! Взгляд скользнул ниже – белые цветы, может, тюльпаны?.. Лилии! Точно, лилии. Разобрать сложно, руки дрожат. Нет, не его – старушки. Она стоит на остановке, здесь пара маршрутов: 11-й и 3-й. В руках четыре лилии... четное... наверное, все-таки 11-й маршрут – на кладбище. Интересно, к кому, может, на могилу к родственнику, хотя в таком случае цветы чаще искусственные.

Слезы, руки дрожат, живые цветы – за этими толстенными стеклами очков точно кроется что-то большее, чем смерть дальнего родственника.

Так и есть, а началось это... в пионерском лагере.

Ну же, не улыбайтесь так снисходительно!

Тогда ей не было и шестнадцати лет, а красный берет заменял тщательно выглаженный красный

пионерский галстук. Тогда она встретила Сашу, он был помощником водителя младших отрядов, золотистые кудри, правильный нос, лето 75-го, солнце, зеленый лес, поцелуи, последняя ночь, автобус, обещания, а рядом с адресом и номером телефона нарисованные лилии.

5-4-3-2-1, прощай, Саша, прощай.

Они писали друг другу каждую неделю. Потом он поступил в институт, письма стали приходить реже. «Может, нет времени».

Но в этих письмах все чаще встречалось имя – Аня: «Мы с Аней сегодня сдали зачет», «На практике Аня уронила мне инструмент прямо на ногу!» Вот и повод для противнейшего из всех чувств – липкой, жгучей ревности. Но спрашивать не стала. А потом пришло письмо. Без лилий.

В письме... было объявлено о свадьбе.

Она поклялась себе никогда ему не писать.

У родителей выгорел перевод по работе в дружественную страну. Ей было все равно.

5-4-3-2-1, прощай, Саша; прощай, дом, прощай, зима 76-го.

А жизнь продолжалась. Она встретила замечательного парня, вышла за него замуж, ей даже казалось, что она в него влюблена (или он был похож на Сашу). Он и стал отцом ее дочери, но в записной книге рядом с каракулями маленькой дочери были белые лилии.

Дочь поступила в институт. Муж умер от болезни сердца.

Все чаще снится детство и дом. Пора вернуться...

Она решила навестить свою старую квартиру, постучалась в дверь. Хозяйкой оказалась милая женщина. Тепло улыбнулась, пригласила на чай.

Принесла коробку. В ней письма... с лилиями. «Больше сорока лет приходят...»

В голове вдруг стало оглушительно пусто.

Много, много писем, и в каждом нарисованы лилии.

Но в них ни единого намека на свадьбу. Почему?

...Знала бы старушка, что Саша не писал того письма. Банальная ошибка почты. Письмо с таким же именем отправителя случайно отправили на неверный адрес.

И так Раиса Васильевна в распределительном центре определила судьбы двух людей...

Последнее письмо пришло чуть больше года назад: «Я, правда, хочу увидеть тебя, Тоня, столько времени прошло».

И по морщинистым щекам стекали слезы. И только написанное теплыми руками ее имя выглядело правильно.

Александр Васильевич умер на следующий день после того, как написал письмо.

Старушка бодро схватилась за поручни автобуса. Кончик берета печально дрогнул, механические двери захлопнулись.

Может, и правда лучше ничего не чувствовать, да, Юра?

Юра, провожая старушку взглядом, наступил в лужу, холодная вода охватила ногу по щиколотку. Из головы исчезли и старушка, и толпы людей. Все вдруг резко сошло на красной ниточке, обернутой вокруг тонкого запястья. Вот вам и мадленка Пруста.

Действительность возвращалась. Юра услышал гул голосов, стук колес, писклявую болтовню девчонок и звонкий смех, но... было в нем что-то необычное, что-то отчаянное и вместе с этим спокойное. Смеялся юноша с красной ниточкой на руке. Хотя он и закидывал голову от смеха, глаза его оставались пугающе спокойными. В движениях чувствовалась отчаянная уверенность, лишь изрезанные венами руки теребили ниточку... Было в нем что-то неестественное, девчонки же искренно ничего не замечали.

А заметить надо было.

Это произошло ровно год назад, день был такой же холодный... Кажется, а может, и нет. Юноша провожал свою девушку на автобус, она уезжала на вступительные экзамены в универ. Он крепко обнял ее и подумал, что ее волосы развевались на ветру поэтичнее обычного и взгляд стал еще глубже и пронзительнее... Через несколько часов стало известно, что девушка не доехала, автокатастрофа...

И окно будто кирпичами заложили, ночи, дни, недели. Родные предлагали помощь. Зачем?

Прошел год, яма стала глубже, света меньше.

Решение вдруг пришло слишком быстро и очевидно. Смерть – и не будет взгляда этих глаз, смерть – и не будут развеваться волосы, смерть – и все закончится. Нужен четкий план, чтобы никто не помешал. Что делают люди? Гуляют с друзьями и, наверное, смеются?

Прогулка. Дом. Записка. Крыша.

Юноша смеялся, он смирился со смертью и ждал ее. Странные мы существа. Наверное, правда лучше ничего не чувствовать. Да, Юра?

Юра вытащил ногу из лужи, и вновь липкие взгляды. За кого же ухватиться...

Мужчина с букетом цветов в дешевой пленке, мамочка, кричащая на ребенка...

Девушка с красной помадой, у нее заплаканные глаза, гитара за спиной, растрепанные во-

лосы. Рядом собака без поводка, поразительно похожая на свою хозяйку. Хотя сейчас хозяйка не была похожа сама на себя. Девушка смотрит на небо и улыбается, красная помада трескается на губах.

Расставание или что-то другое?

Два года назад она потеряла папу, самого родного человека.

Было невозможно трудно. Но было спасение – музыка. При любой возможности пальцы остервенело стучали по клавишам пианино, прямо на них и падали тяжелые слезы.

Папа всегда поддерживал ее, он купил ей гитару, водил в музыкальную школу шесть дней в неделю долгих семь лет.

Она обещала, что первый концерт посвятит ему и он будет сидеть в первом ряду.

В день концерта были заняты все места в зале, кроме одного. Девушка на сцене пыталась сдерживать слезы. Последняя песня, яркая вспышка, шелчок фотоаппарата.

И вот она уже не взрослая девушка в концертном зале пасмурного города, а маленькая девочка в родной квартире в солнечный день. Рядом собака без поводка, поразительно похожа на свою хозяйку. С фотоаппаратом в руках улыбается папа:

«5-4-3-2-1, улыбка, девочки!»

Вспышка исчезла, оставив на глазах разноцветные блики прошлого.

Может, и правда лучше ничего не чувствовать, да, Юра?

Юра прислушивался к звукам улицы, смотрел на тяжелые облака в небе, на балкончики старинных зданий и... на красный вязаный шарф. Яркий, обмотан вокруг шеи старика. Коричневое пальто, потертая обувь, седые волосы и крестики на запястьях, которые обычно рисуют люди, чтобы не забыть что-то важное. Куда он идет?

Домой? В гости? Может, к внукам, в пакете виднеется упаковка зефира.

Знал бы Юра, что зефир не для внуков, зефир для жены, только вот она умерла несколько недель назад.

А дедушка страдал болезнью Альцгеймера.

Он каждый день приходил и пытался вставить ключ в дверь квартиры, где уже жили чужие люди. Обычно к нему подходила какая-то бабушка и отводила его за руку домой.

5-4-3-2-1, столько раз дедушка пытается попасть в квартиру.

Странная болезнь: давние события такие четкие. Вот и сейчас старик смотрит на лужу, а вспоминает море, лето, теплый песок под босыми ногами, яркое солнце, легкий ветерок, жена рядом, ее кожа потемнела от загара, а глаза смотрят с такой добротой.

Может, и правда лучше не помнить о смерти любимого человека, или все-таки лучше ничего не чувствовать, да, Юра?

Юра почти дошел до универа, глубоко вдохнул и перешагнул порог его личного пандемониума. До «пары» двадцать минут. Может, зайти в туалет? Туалетная комната... В ней курили, плакали, прогуливали пары, выясняли отношения, а Юра... Юра любил сидеть на подоконнике рядом с кабинками и сочинять нелепые рассказы с неправдоподобными историями любви.

Мог ли Юра представить, что через несколько часов юноша с красной ниточкой на запястье решится исполнить свой план:

5 – руки дрожат,

4 – ветер холодный, галстук противно давит на горло,

3 – голова кружится,

2 – на крышу выходит бабушка в красном берете покормить кошек.

Дальше все смазано, вроде бы она даже не пыталась его успокоить, а просто села рядом и начала говорить про какие-то письма, лагерь, липии...

Потом юноша оказался на теплой кухне, с печеньем и кружкой чая в руках.

И именно в минуту, когда юноша укусил печенье, дедушка в красном шарфе вновь попытался вставить ключ в замок чужой квартиры. Неожиданно дверь открыли.

В проход сначала высунулась морда собаки, а потом и лицо девушки с красной помадой.

А дедушка увидел в глазах девушки такую доброту, что губы растянулись в улыбке, девушка вспомнила улыбку своего отца.

В этот вечер они пили чай с зефиром вместе.

А Юра, сидя на подоконнике, сочинял очередной рассказ:

«Есть китайское поверье о судьбах. Предназначенные друг другу люди связаны невидимой красной нитью. Она может растягиваться, но никогда не порвется. Вот и сейчас я вам расскажу историю о том, как люди, связанные этой нитью, спасли друг друга».

«Будильник, тапки, ржавое зеркало...»

Надо записать, записать...